Н. М. ТИХМЕНЕВ

председатель
Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВТОРОГО

1952

Издание II-го Отдела в САСШ Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Н.М.Тихменев
председатель Союза Ревнителей Памяти
Императора Николая II.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВТОРОГО

1 9 5 2
Издание
II-го Отдела в САСШ Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II.

Духовный обликъ Императора Николая II.

Настоятель Сергіевскаго подворья въ Парижѣ, о. Архимандритъ Сергій, обратился ко мнѣ съ просьбой, весной 1950 г., сдѣлать въ подворьи очеркъ духовнаго облика убіеннаго Государя Императора Николая II. Это я и сдѣлалъ. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторилъ мое сообщеніе, въ нѣсколько дополненномъ видѣ, въ другомъ залѣ, а затѣмъ въ третьемъ, и, позже, въ Ниццѣ.

И просьба Арх. Сергія; и то, что залъ Сергіевскаго подворья былъ полонъ не смотря на отдаленность подворья и не смотря на разгаръ сезона отпусковъ; и наполненность другихъ залъ и въ Парижѣ и въ Ниццѣ, показывали — что я и отмѣтилъ — что избранная тема — другими словами тема о русской трагедіи, которая явилась слѣдствіемъ того, что русское общество не познало духовнаго облика своего Царя — что эта тема возбуждаетъ живой интересъ въ душахъ русскихъ людей.

Точнѣе — въ душахъ людей средняго и старшаго поколѣній, ибо молодыхъ людей среди присутствовавшихъ было очень мало, что я тоже отмѣтилъ и пожалѣлъ, что возглавители юношескихъ организацій — скаутовъ, соколовъ, развѣдчиковъ, витязей — не привлекли своихъ членовъ на сообщеніе: кромѣ перваго раза это было возможно по сезону. И это тѣмъ болѣе жаль, сказалъ я, что все меньше и меньше остается людей, лично знавшихъ покойнаго Императора — т.е. живыхъ свидѣтелей эпохи.

Моя задача, сказалъ я, начиная сообщеніе, и легка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно трудна.

Легка потому, что не надо ничего выдумывать. Достаточно просто перечислить всѣ тѣ высоты качества души и духа, коими одарилъ Богъ избранника своего, чтобы получить духовное изображеніе убитаго Царя.

Трудна потому, что образъ этого свѣтлаго Царя, принявшаго на себя всѣ грѣхи россійскіе, искаженъ до неузнаваемости такъ называемымъ русскимъ „освободительнымъ движеніемъ" и революціей. Около этого образа скопилось безмѣрное количество злобы, клеветы, поношенія и высокомѣрнаго пренебреженія тѣхъ, за кого Царь отдалъ свою жизнь.

И такъ окостенѣли эта клевета и поношенія, что сдѣлались общимъ мѣстомъ. Люди повторяютъ это общее мѣсто какъ истину, не задумываясь надъ ея содержаніемъ. Это, вѣдь, такъ легко и просто — повторять трафаретъ.

Одернуть этихъ людей, заставить ихъ задуматься, провѣрить мнѣнія, изучить, пробудить ихъ совѣсть — трудно безмѣрно.

Въ этомъ моя цѣль. И не только моя, но и всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ историческую истину и поученіе въ изученіи прошлыхъ ошибокъ.

Н. Тихменевъ

Парижъ
1952 г.

Чем дальше идет время, тем всё резче выступает на фоне покрывшей Россию тьмы осиянный лучезарным светом облик ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВТОРОГО.

"Чем больше пройдет времени",- говорит один из историков его царствования,- "тем отчетливее резец истории будет обрабатывать рельеф великолепной жизни нашего Государя".

Да,- дело истории выяснить перед народом русским и перед миром подлинную духовную и государственную личность убиенного Царя и произнести свой суд.

Но нужен ли э т о т суд, когда другой суд, суд совести народной, уже произнесен? Нужно ли говорить, что-либо о духовном облике того Царя православного, который в совести народной уже канонизирован во святых, которому уже служат молебны,- о чём имеются свидетельства,- как великомученику и угоднику Божию,- пусть эти молебны [redacted] и незаконны по канонам церкви.

Да нужно ли говорить? Увы, пока еще нужно. Около полутора года назад, в одном русском издании, была помещена небольшая статья к годовщине цареубийства. Автор привел вскрик-вопрос Государя: "за что!", который бросил он в лицо убийце, в самый момент своей смерти.

"Да, за что?" - повторил автор статьи. Кто виноват в гибели России: он, убитый, или мы, оставшиеся в живых? Мы, "общество"? - спросил автор. И постарался показать, что виноваты мы. Статья эта вызвала резкую критику в другом печатном издании, где доказывалось, что виноват он, царь, один он. И личность и деятельность его в этой критике, говоря словами поэта про другого венценосца, "была поругана со злобой беспощадной". Значит, есть еще люди, как в старину говорили, "скорбные головой" и убогие душой, которые думают так. И, значит, несмотря на суд совести народной, задача исторического исследования не кончена.

Надо, чтобы знали все, что заслуживает убитый Царь восхваления и канонизации не только за подвиг смерти, но и за подвиг жизни.

Позвольте мне привести некоторые из принадлежащих убиенному Государю фраз. Я постараюсь затем развить их и выявить черты духовного облика Государя.

Я начну с трех, из которых две я слышал лично, а третью читал в написанном царской рукой подлиннике, а потом перейду к взятым из печати.

В скорбный и трагический час прощания, после отречения, с личным составом Ставки, т.е. своего штаба, Государь сказал: "Сегодня я вижу вас в последний раз; такова воля Божия и следствие моего решения."

Это подлинные слова начала речи, которые врезались в моей памяти. Дальше он требовал от нас подчинения Временному правительству и доведения войны до победы.

В эти же дни румынский военный агент генерал-адъютант Коанда зашел ко мне и показал, сильно волнуясь, написанный Государем по-французски подлинник телеграммы румынскому королю. Благодаря короля за сочувствие, Государь написал: "Я всё еще разделен с своей семьей."

Общеизвестны его слова: "Я родился в день Иова Многострадального",- говорил он несколько раз.

Затем - "Нет такой жертвы, которую я не принес бы для блага России. И еще: "Если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой." Далее: "Я отрекусь, но справитесь ли вы с народом",- сказал он Гучкову.

"Я берег не самодержавную власть, а Россию",- сказал он другу семьи графу Фредериксу.

Я остановлюсь пока на этом.

Итак, - "Такова воля Божья. Вот эта преданность воле Божьей, горячая, подлинная и глубокая вера в Бога, искренняя религиозность - есть главное свойство духовного облика Государя. Это не было внешнее благочестие, обязательное для русского православного Царя. Нет, "этим" он никогда не "играл", а верил всей душой и всем сердцем.

Откуда, из каких тайников его души эта вера?

Кто знает! Быть может осенила она его тогда, когда двенадцатилетним мальчиком стоял он в углу той комнаты Зимнего дворца, в которой, в то время, на его глазах, умирал истекавший кровью, пораженный бомбой цареубийцы, его дед, Император Александр П. Может быть тогда, когда чудом спасся он, юношей, от покушения на его жизнь фанатика японца. А, может быть, дар веры был вложен в его душу от рождения. Но одно можно сказать: он никогда не был Савлом, обратившимся к Богу; Павлом он был всю жизнь и Павлом он и умер. Надо было видеть, как он молился в церкви - а я видел это не раз в Ставке - видно было по его лицу, по тому, как стоял он неподвижно, что молитва, богослужение владели им всецело. И когда, после отречения, в тяжкие для него дни пребывания в Ставке, случился праздник, - он пошел в храм и простоял всю обедню. Прославление святых - Серафима Саровского и других, бывшие в его царствование, были для него святым делом, наполнявшим его душу подлинным умилением. Когда, при открытии 1-й Думы говорил он собравшимся в Зимнем дворце членам Думы и Государственного Совета - "Бог в помощь вам и мне" - не пустые это были слова. И не для вида долго молился он в Петропавловском соборе у могилы отца перед открытием Думы. Не для красоты речи сказал он Курским старшинам в 1902 году, что надо жить по заповедям Божьим. Его благословение иконами войск, идущих на войну, было подлинным призывом к милости Божией этим обреченным на смерть людям.

Министр Сазонов свидетельствует, что когда он, в 1912 году, в Спале, представлялся Государю при отъезде и спросил о здоровье Наследника, тогда опасно больного и положение которого казалось врачам безнадежным, то Государь ответил: "Надеемся на Бога". "В этих словах не было ни тени условности и фальши", - замечает Сазонов,- "звучали они просто и правдиво".

"Дело постройки церквей в Сибири особенно близко моему сердцу. Желаю, чтобы при каждой церкви была школа",- написал он на представленном ему докладе, как свидетельствует об этом начальник Переселенческого Управления сенатор Глинка.

Глубокий религиозный смысл чудного чина Коронования был им воспринят как подлинная присяга, как венчание с Россией, как обречение его Господом Богом на тяжкий путь служения родине до конца его дней [redacted].

И много, много можно было бы привести примеров той высокой религиозной устремленности, которая жила в душе Государя. Приведу еще одну подробность близкую нам, русским "парижанам". В 1896 году, приехав в Париж и проследовав с вокзала в посольство, Государь немедленно и раньше всякого другого действия проехал в наш храм на рю Дарю.

Скажу кстати, что этот же высокий христианский дух, это религиозное устремление были в высшей степени присущи и Государыне. Немка по [redacted] национальности, англичанка по воспитанию и протестантка по вероисповеданию,- она сделалась подлинной русской православной, православной до [redacted] фанатизма царицей. И оба они вместе так же воспитали и детей. Кому неизвестно стихотворение Великой Княжны Ольги, в дни тяжкого заключения в Сибири, полное напряженной веры в Бога/// Господь был милосерд к ним, ибо в вере в Него и нашли они силу безропотно переносить выпавшие на них муки и страдания(*)

Поистине неисповедимы судьбы Божии. И если убиенному Государю суждено было от Бога быть искупительной жертвой за грехи русские,- и надо верить всем нам, что на крови этой жертвы и создастся просветленная Россия,- и если Господь Бог послал ему счастье веры, облегчавшей несение его креста, то, быть может, также свыше дано было Царю и предзнаменование, готовившее его к смертному подвигу, но и влекшее его к Богу.

"Я родился в день Иова Многострадального",- Царь говорил это не раз в дни испытаний, и некоторая обреченность всегда чувствовалась и в нем и им самим. Но это не мешало ему нести бремя правления,и лишь строже и вдумчивее относился он к своему служению.

Да, служение России, служение "до гробовой доски".

Эти слова написал он лично в солдатской личной книжке-билете, которая была ему представлена вместе с солдатской формой, с винтовкой и снаряжением полного походного веса, которые он лично испытал, сделав в этом снаряжении несколькочасовой переход в окрестностях Ливадии.

Служение России требовало р е ш е н и й - и недаром подчеркнул он, как я сказал, что его отречение, будучи волей Божией, было также "следствием его решения".

В той кампании клеветы, поношения и злобы, которая велась против Царя утратившим чувство патриотизма и порядочности обществом и революционерами интернационалистами, было принято выставлять Государя, как слабого, ничтожного и безвольного человека.

Нет ничего более ошибочного, чем это суждение. Да, Государь ни в малой степени не обладал резкостью, грубостью, напором,которые часто ошибочно принимаются за проявление характера, воли. Но при видимой мягкости и при той отличной благовоспитанности, которые были отличительными признаками его обращения, он обладал волей упорной и не ломающейся.

Удивительно, что иностранцы, принц Генрих Прусский, президент Лубэ и другие, понимали это лучше русских и об этом свидетельствовали.

Вот что говорил о нем президент Французской республики Лубэ: "О Русском Императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Он сам проводит свои идеи. Он защищает их

с постоянством и большой силой. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их он трудится постоянно. Иной раз кажется, что что-либо забыто. Но он всё помнит. Под личиной робости немного женственный Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда он идет и чего он хочет."

Трудно дать лучшую характеристику Государя, чем та, которую дал ему старый, умудренный опытом и знанием людей французский государственный человек.

А в русском обществе на решения Государя, которые не нравились этому обществу, умели лишь досадовать и раздражаться и считать их упрямством ничтожного "маленького армейского (почему армейского?) полковника".

Свой характер, мягкое упорство, пружинистость своей воли показал он еще в юных летах, не уступив столь "грозному" Царю, каким был Александр Ш, и своей матери в вопросе женитьбы. Он встретил и полюбил на всю жизнь принцессу Алису, которую Император и Императрица не хотели видеть женой своего сына, предлагая ему других невест. Он не уступил.

Достаточно вспомнить хотя бы несколько главных событий его царствования, чтобы безошибочно утверждать о силе его настойчивости. Он выслушивал все мнения, но решения принимал сам. На самой заре царствования, в 1896 году, обстановка казалась благоприятной для захвата Босфора, т.е. для разрешения вековечной русской мечты. На Государя было произведено сильное давление и нашей дипломатией и Военным Министерством. Но это грозило европейской войной, что было ясно Государю, и он отказал.

Когда мирные переговоры с японцами в Портсмуте, в 1905 году, зашли в тупик и казались неизбежными унизительные уступки, Царь заявил: "Я никогда не заключу позорного и недостойного великой России мира",- и продолжал усиливать армию в Маньчжурии. И японские уполномоченные сдали.

Тогда же Император Вильгельм советовал Государю переложить на Думу ответственность за казавшийся неизбежным позорный мир. Государь отказал, заявив, что сам понесет всю ответственность.

Осенью 1912 года вспыхнула война между объединившимися тогда в союз балканскими славянскими государствами и Турцией. Турки были разбиты, война закончилась взятием Адрианополя. Значительная часть русского общества требовала вмешательства России под заманчивым и обольстительным лозунгом - "крест на Св.Софии". Но по тогдашнему политическому положению вмешательство, т.е. объявление войны Турции, явилось бы началом европейской войны. Россия была не готова, что было ясно Государю, и он отказал, как и 16 лет назад.

Но зато, когда двумя годами позже России был сделан дерзкий вызов нападением Австрии на Сербию, он без колебаний объявил мобилизацию, исчерпав сначала все попытки к сохранению мира. Ибо он был умней своих заграничных противников и понимал, что будет значить европейская война.

Государь не сочувствовал образованию Государственной Думы в форме европейского парламента и не допустил до этого, несмотря на все давления и "общественности" и перепуганной бюрократии. Он оставил за собой назначение министров и дела дипломатические и дела обороны. И, исключив из основных законов из титула

монарха понятие "неограниченный", оставил слово "самодержавный", ибо считал, что когда спасение государства не может быть достигнуто в общем законодательном пути, в думском пути, то на Царской власти остается обязанность и право изыскать иной путь.

Этот свой верховный суверенитет он и считал "самодержавием" и сохранил его. Это отвечало его религиозному восприятию существа царского служения, восприятию коронационной присяги и отвечало восприятию исторического уклада Православного Царства Русского. Царское служение, в его представлении, было послушанием, возложенным на него Богом, и перед Богом он считал себя ответственным за судьбы России.

В этом и было непримиримое расхождение его с "общественностью", исходившей из абстрактного, в н е р у с с к о й д е й с т в и т е л ь н о с т и, лаического восприятия государства, и готовившей революцию.

Из такого понятия о самодержавии проистекли роспуски Думы и изменение избирательного закона.

Но зато, когда со стороны правых политических организаций был сделан на Государя неприкрытый нажим против Думы, он со всей определенностью ответил, что манифест 17 октября есть выражение его непреклонной воли и акт, не подлежащий изменению.

Сибирь, Дальний Восток и улучшение экономического положения деревни были главными целями внутренней политики Государя со дня его воцарения. Одним из способов разрешения крестьянского вопроса было переселение на земельные просторы Сибири. Сильнейшие возражения были встречены Государем при решении вопроса в положительном смысле. И, однако, в 1895 году, через год по воцарении, он дал прямое приказание об организации дела, и к 1911 году население Азиатской России выросло с 10 до 20 миллионов, и русское население стало превышать инородческое.

В промежуток времени между Японской войной и войной 1914 г. Россия сказочно развивала свое экономическое благосостояние. Государственные бюджеты неизменно росли и покрывались без дефицитов, несмотря на постоянные увеличения расходов на оборону и производительные цели. Но в этих бюджетах было темное пятно: почти четверть доходов покрывалась поступлениями от винной монополии. Общественное мнение восставало против "пьяного бюджета". Государь болезненно воспринимал эту критику, сознавая ее справедливость и считая, что долг царской власти вступить в борьбу с народным пьянством. Предлагались разные запретительные меры. Но председатель Совета министров и министр финансов В.Н. Коковцев не верил в такие меры, но и не находил способов возмещения доходов от винной монополии из других источников. Государь высоко ценил заслуги В.Н.Коковцева, его твердость, его убеждение в необходимости сохранения мира, его заслуги по усовершенствованию государственного кредита России. Но Государь видел, что при Коковцеве нельзя приступить к коренным мерам в деле борьбы с народным пьянством, и он расстался с ним в январе 1914 года. А с началом войны Государь провел смелую реформу, близкую его сердцу,- продажа спиртных напитков была запрещена на всё время войны. И Государь заявил: "Я уже предрешил - навсегда запретить в России казенную продажу водки".

Нигде еще не принималось такой радикальной меры борьбы с алкоголизмом. Америка встала на этот путь позже. Это был опыт

грандиозный и неслыханный.

Вспомните знаменитые слова Столыпина в Думе - "Не запугаете!" и "Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия". Он говорил так потому, что он знал, что за ним стоит в его работе сочувственная нерушимая воля Царя, которого нельзя запугать. Не к себе, а к Государю, относил он это "не запугаете!.

Перечтите воспоминания Яхонтова о заседаниях Совета Министров перед тем, как Государь принял верховное командование армиями. Не было того средства, которое не было бы употреблено, чтобы заставить Государя изменить решение. И возмущается чувство, когда читаешь о том, по истине, бесстыдном давлении и министров и "общественности", которое было оказано на Государя. Но он не внял общему непониманию и остался непреклонен. Он считал долгом Царя и благом России быть с армией в тяжкие минуты ее испытаний. И надо было покончить с двоевластием Петербург-Ставка, на коем шла игра к ущербу Царя. И он был прав. При его возглавлении армия оправилась после тяжелых неудач и к весне 1917 года была готова к победе, которая была обеспечена. Ведь оттого то и произошла революция, что вершители ее хотели вырвать победу у Ц а р я и н е д а т ь е м у быть осененным ореолом победителя, ореолом, исключавшим у революции надежду на успех.

И когда он сказал, что его отречение было следствием е г о решения, он говорил правду. Отречение не было актом малодушия, трусости, моральной усталости и отвращения: оно было следствием обдуманного решения, принятого Царем после оценки обстановки той минуты.

Когда подходишь к этому трагическому для России, и, как показали последствия, трагическому для всего мира действу - к отречению Русского Императора, невозможно не выйти на минуту из темы, которую я излагаю, и не задать себе вопроса - в чём было всеобщее спасение?

Трудно, невозможно обсуждать то, что было бы, если не было того, что было. Но теперь, через 35 лет, стало ясным то, что было закрыто тогда.

Можно сказать, что тогда, в минуту отречения, война была уже проиграна Германией. Австрия практически вышла из войны. Русские пореволюционные дивизии не имели боевого значения, и Германия, перестала обращать на них внимания, обнажила свой восточный фронт, оставив там лишь завесу. Таким образом, сепаратный мир, т.е. обнажение русского фронта, т.е. то, что произошло от революции, не утяжелило бы положения союзников. Но зато, те же самые бунтовавшие в Петрограде запасные батальоны, отражавшие безмерную усталость России от непосильной продолжительности войны, перервали бы горло тем, кто натравливал их на Царя, если бы он, освободил бы их и вернул бы домой. И мир был бы спасен от бедствий второй войны, от большевизма и от угрозы третьей войны. И сейчас еще страшно говорить вслух о таком решении. Но правда и то, что если бы оно было принято и, значит, не произошло бы тех событий, которые произошли и происходят, т.е. тех которыми оправдалось бы это решение, - то на Ц а р я легло бы позорное пятно предательства.

Конечно, такое решение и не могло быть принято Государем, воплощавшим собою высокий идеал самоотвержения, чести и честности.

"Я отрекусь, но справитесь ли вы с народом?"- сказал Царь пе-

ред отречением Гучкову. Среди всех тех, кто требовал его отречения как условия возможности успешно продолжать войну, он один понимал, что он и народ - одно, и что только он может потребовать от народа и армии того последнего напряжения, которое дало бы победу.

Да, "они" не справились ни с народом, ни с армией: фронт рухнул, бунт превратился в революцию.

А совесть народная, не сдерживаемая мистическим авторитетом Царя, помутилась, и Россия подверглась потоку, разграблению и бесчестию.

И прав был французский министр социалист Thomas, приехавший в Россию в августе и сказавший: "Votre révolution n'est pas sanglante, mais elle est lâche".

Государь сказал Гучкову свои слова не только потому, что он царским чувством знал опасность, но и потому, что Император Николай II, бывш человек большого и тонкого ума, понимал то, чего не понимали посягнувшие на него.

После религиозности и воли, у м - третье отличительное его духовное свойство. Все лица, имевшие с ним непосредственные сношения, утверждают, что он был человеком, легко схватывавшим самую сложную сущность вопроса. Его огромная, можно сказать, исключительная память помогала ему в этом. Министры, начавшие в ноябре, по его вступлении на престол, свои первые доклады ему, были поражены, что он, молодой 26-летний человек, уже знал сущность вопросов, схватив их налету, в бытность наследником, в заседаниях Государственного Совета и Комитета Сибирской железной дороги.

В области внешней политики, унаследовав от отца франко-русский союз, он с самого же начала царствования, постепенно превращал его из орудия французского реванша в орудие европейского замирения.

Гаагская конференция, прародительница Лиги Наций и теперешней Организации Объединенных Наций - его мысль. Великий поэт сказал, что страшно умереть, "не бросивши в века ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда". Вот Император Николай II нашел, что "бросить в век".

Его "дальневосточная программа", т.е. мысль о значении для России Дальнего Востока - глубока и верна. Теперь, с целями злобными и разрушительными, с обратным знаком, - эту мысль ~~под-хватили~~ восприняли большевики.

О его тонком понимании своеобразия исторического русского уклада, понимания взаимодействия двух исторических сил - Ц а р я п р а в о с л а в н о г о и н а р о д а, -понимании непригодности слепого восприятия парламентарных западных форм управления и понимания того, как именно народ может быть допущен к управлению на ряду с царской властью,- я уже говорил.

Глубокое ~~[illegible]~~ понимание значения государственного переворота я слышал в его словах, обращенных лично ко мне. Слова эти непосредственно касались круга моего ведения, но они отражали общее положение. Я был ответственен за подвоз к армии всего необходимого, т.е. технического и интендантского снабжения, пополнений и прочего. Ко времени революции потребности армии увеличились чрезвычайно и к тому же прифронтовая полоса была выедена и всё приходилось привозить издалека. Наша слабая железно-

дорожная сеть едва справлялась с задачей. И вот, приблизительно за месяц до революции, Государь сказал мне лично: "Перевезите всё, что нужно для армии: я не сплю по ночам, когда думаю, что армия может голодать". Те же самые слова, в удивительном своем самообладании и в своей самоотверженной любви к армии и родине, повторил он мне и в тяжкую трагическую для него минуту прощания с чинами Ставки, после отречения, добавив: "т е п е р ь это нужно больше, чем когда-либо". Государь понимал, что значило исчезновение исконного священного царского авторитета из народного сознания.

Из тех, кто посягнул на этот авторитет, - одни этого не понимали, некоторые из таких не понимают и до сего дня, а кто понимал, тем и нужно было исчезновение этой вековой государственной спайки, ибо целью их были "великие потрясения".

Та земельная реформа, которую, с одобрения Государя, проводил Столыпин, есть второй, на ряду с Думой, важнейший акт внутреннего управления, акт неизмеримой важности, есть крупнейшее проявление государственного ума Императора Николая Второго.

Его окраинная политика (кавказская, польская, финляндская) - политика имперская, т.е. привлечение к интересам Империи местного населения, не насилуя их национальных особенностей, - принадлежит ему.

Широкое развитие переселенческого движения, т.е. колонизация пустынных пространств Сибири, с одновременным ослаблением земельной тесноты в Европейской России; развитие, с той же целью, деятельности Крестьянского Банка; прогресс совершенно исключительный в двух главных, бесспорных и нужных для России областях - народного просвещения и народного достатка - всё это заслуга ума Императора Николая II.

Один из историков царствования, золотое ~~слова~~ перо которого вы читали в парижской печати*, говорит следующее: "По размаху и ценности всего, что Государь сделал (во внутреннем управлении Россией), его царствование - не только одно из самых значительных в русской истории, но и одно из наиболее реформаторских. Всё дело в том, что исторически, после ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ и ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА, России нужен был ЦАРЬ-УСТРОИТЕЛЬ."

Таким Устроителем он и был, всю силу своего творческого ума вкладывая в дело устроения горячо любимой им Родины.

Нужно ли долго останавливаться вот на этой стороне его облика - на великой его любви к Родине, к России. Любовь к Родине едва ли есть прирожденная, как ум и воля - сторона духовной природы человека. Но у Императора Николая Александровича эта любовь была явлением органическим - он с нею и родился.

"Нет такой жертвы, которой я не принес бы для России" и "если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой".

И он, Царь, доказал это на деле и подвигом беззлобного отречения, и своими страданиями, и своей мученической смертью. Что можно прибавить к этому? Все слова были бы излишни.

И если всё вообще его служение России есть крестный путь, есть жертва великой любви, то не стоило бы упоминать о мелочах. Но позвольте всё же упомянуть о двух деяниях, как ни незначительны они при общем строе души Государя.

----

* И.И.Тхоржевский, скончавшийся в марте 1951 г.

В Сибири, на Алтае, были обширные, так называемые, Кабинетские земли, являющиеся частная собственность Государя. Все эти земли огромной ценности были просто подарены им под переселение; в одном 1908 году было отведено более 3-х миллионов десятин.

Затем, если не ошибаюсь, то еще при Императоре Александре III Витте не то настоял перед Государем, не то тайно от него перевел за границу значительную сумму денег из личных доходов Государя на счёт Государя. Все эти деньги во время войны были возвращены в Россию и израсходованы Императрицей на санитарные учреждения для армии. Так что, если бы Государь после отречения оказался бы заграницей, ему буквально не на что было бы жить.

Итак: религиозность, горячая вера в Бога; воля не резкая, но спокойная, настойчивая и не сдающаяся; тонкий и большой ум и пламенная любовь к России. Вот четыре главных стороны духовного облика Императора Николая Второго.

Как в фокусе собраны эти свойства во всех его повелениях и действиях, предшествовавших минуте отречения и следовавших непосредственно за ней. Отрекаясь, он ушел не "хлопнув дверью", а с величием Царя, с молитвой христианина, с мудростью правителя и с волей героя духа. С всепрощающей любовью к родине сделал он всё, чтобы облегчить России ближайшие последствия отречения.

Вот как пишет об этом "старый профессор" князь Д.В.Оболенский в очерке, посвященном Государю: "Он сделал всё от него зависящее, чтобы обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. Понимая отлично, что регент не будет иметь того авторитета, как Император; что лица, способствовавшие перевороту, всегда будут бояться возмездия со стороны сына низложенного Императора, Николай II отказался в пользу брата. Мало того, он указал брату путь сближения с народным представительством (присяга конституции, ответственный кабинет). Он дал приказ армии и флоту бороться до конца за Россию вместе с союзниками и повиноваться Временному правительству (без этого приказа многие офицеры не присягнули бы этому правительству). Он назначил Верховным Главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича, а председателем Совета министров - князя Львова, которого Государственная Дума намечала на этот пост, - именно для того и назначил, чтобы оставшиеся верными Государю могли со спокойной совестью подчиняться тем, кому повиновением обязал их сам Государь."

И после этих последних д е й с т в и й до отречения, его р е ч ь, т.е. завещание, приказ после отречения, при прощании с чинами своего штаба, - речь, повторяющая вновь все мысли, изложенные в письменных документах, речь, первые слова которой - "сегодня я вижу вас в последний раз - такова воля Божия и следствие моего решения" - привел я в начале этого очерка...

Теперь, я несколькими словами коснусь и других сторон духовного облика Императора.

Я привел его упоминание о семье в телеграмме к Румынскому Королю. Семья Государя была истинно христианская, образцовая, полная взаимной любви, доверия и дружества. Это было место сердечного отдыха Государя, то, выше чего для него был один идеал - Россия. И эту семью, это убежище от невзгоды и горя, создава-

ла, вместе с ним, чистая сердцем и возвышенная духом, оклеветанная русским обществом, его, говоря старинным русским выражением, "сослуживица и потрудилица" Императрица Александра Федоровна.

Государь - безупречный семьянин - был тем образцом, которому в семейной жизни надлежало подражать каждому из его подданных.

Лично Государь был человеком чрезвычайной доброты. Известно множество случаев его материальной помощи и его царской милости разного вида и отдельным лицам и группам лиц.

Он был человеком в высокой степени лояльным. Его царское слово было нерушимым. Я уже привел его ответ по поводу нерушимости установления Думы.

Он был русский Царь, но он был и ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ. И все его подданные были для него "россияне" - какое это прекрасное и почти забытое с половины 19-го века слово! - равные для него в пределах определяющих их бытие законов. "Для меня все классы равны, и я особенно озабочен бытом рабочих",- указал он на докладе тульского предводителя дворянства. И, действительно, наше рабочее законодательство, в царствование Императора Николая П, по гуманности во многом было впереди западного.

И не только рабочие, но и крестьяне, солдаты, весь "простой народ" были предметом его постоянных забот, доказательством чего является всё законодательство его царствования. Заботы эти были следствием не только соображений государственной пользы, следствием национального прогресса. Еще больше исходили они из чувства глубокой любви Государя к этому "простому народу", в котором видел он самое бытие России, той России, для которой готов он был принести всякую жертву. И принес. И отдал ей самую жизнь свою. Дикая, тупая и раздутая пропагандой ненависть революционеров-террористов, создававшая постоянную опасность для его жизни, только редко давала ему случай непосредственного общения с этим простым народом. Но случаи эти бывали, например, в Сарове, при прославлении Преподобного Серафима Саровского или на Полтавских торжествах. И восторгом любви преисполняло такое общение душу Царя, чему есть много свидетельств.

В том же порядке отношений Государя к "простому народу",т.е. к существу России, лежит и то значение, которое придавал он Москве. Его сдержанность и сознание веса его царского слова заставляли его быть сдержанным и в проявлении его чувства к Москве, чтобы оно не было истолковано в ущерб Петербургу. Однако, в подтверждение существования у него этого чувства, я могу привести следующий случай. В день полкового праздника Лейб-гусарского полка, где Государь в юности обучался строевому кавалерийскому делу, зашел, в его присутствии, разговор на тему Петербург - Москва. Бывший офицер полка, известный тульский политический деятель правого толка, граф Владимир Алексеевич Бобринский, говорил, что истинным национальным центром России, ее сердцем является Москва, а не Петербург, насчёт которого Бобринский не скупился на порицания. Государь слушал молча. Потом шутя попросил у соседа "халат" (так называлась в офицерской среде рублевая бумажка), чернил и перо, и написал на кредитке: "дано сие нашему Вовочке (так называли офицеры Бобринского), без права ношения в петлице, за правильно высказанный взгляд, кото-

рый и я разделяю", и подписал - "Николай". Лицо, письменно сообщившее мне это, лично видело у Бобринского этот рубль и получило от него объяснение значения написанного.

Все классы и "всяк язык" Державы его были ему близки.

Я расскажу случай, переданный мне очевидцем. Государь очень любил войска - армию, военную среду, заботился об армии всячески и не упускал случая дарить войска своим вниманием и личным с ними общением. Это общение по недосугу удавалось ему редко, ибо он ежедневно долгими часами работал у себя в кабинете.

Однажды он приехал на обед в один из полков в Петрограде. Во время обеда зашел разговор о недавнем террористическом акте, в котором было установлено участие евреев. Один из офицеров - неосторожно ли или умышленно - громко сказал: "перевешать бы их всех". Слова эти дошли до ушей командира полка, сидевшего рядом с Государем. С беспокойством взглянул генерал на Государя, соображая - услышал ли Царь. Царь слышал... и не промолчал. "Никогда не забывайте, что евреи мои подданные" - тихо и спокойно сказал он в сторону, где были произнесены услышанные слова.

По своей природе Император Николай II был очень замкнут. Быть может, одна только Императрица знала всю глубину его помыслов, его души и сердца. Самообладание его было исключительным. Он никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. И это доставляло ему репутацию духовной ограниченности, бесчувственности и эгоизма. Был один только внешний признак его душевного волнения: он бледнел. Так было в день Ходынки, когда, по требованию международной политики, он должен был быть, и был, вечером,в самый день катастрофы, на приёме у французского посла. Бледность его тогда поразила присутствующих. Так же бледен, до серости,- что я видел сам,- был он и в день прощания с чинами Ставки.

Ни при каких внешних событиях не нарушался общий уклад дворцовой жизни: работа, приёмы представляющихся и докладчиков,прогулка, трапеза и проч. И в этом видели "бесчувственность" и эгоизм. И только из дневника его и из писем к Императрице видно, как тяжко и глубоко переживал он Цусиму, Сольдау, летнее поражение армий в 1915 году. Общеизвестны и его слова,не сказанные им вслух, а лишь записанные в дневнике,- "Кругом измена, обман и трусость".

Он был всегда ровен в обращении с людьми, никогда не показывая резко знаков своего неудовольствия. "Мне давно уже удалось заставить совершенно замолкнуть в себе струну личного раздражения",- сказал он однажды Сазонову,- "раздражительностью ничему не поможешь, да и к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого".

Иногда он гневался. Однако, гнев его, по свидетельству Гурко, выражался лишь в том, что глаза его делались пустыми, он как бы уходил вдаль, ничего не замечая и ничего не видя.

Он был прост и приветлив с людьми. Но и не допускал переходить неосторожно за черту, определяемую его царским саном. "Министры не могут ставить ультиматумов монарху"- таково было отношение его к членам его правительства. Английский посол осмелился предложить ему "уничтожить преграду", т.е. дать ответственное министерство и тем "заслужить доверие народа", как ска-

зал посол. "Думаете ли вы, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа, или он должен заслужить мое доверие"- ответил ему Государь.

К этой области - недопущения Царем переступать в отношениях к нему известной черты - относится и вся история с Распутиным. Непомерно, умышленно клеветнически раздутая эта история, своего рода "история ожерелья" Марии Антуанеты, сведена теперь к подлинному ее размеру. Для России она была трагична не по своему ничтожному существу, а по силе клеветы, на ней построенной и с отвратительной жадностью воспринятой русским обществом.

Император Николай П был тем, что французы называют charmeur-чаровник.

Цитируемый мною автор (именующий Государя "Царем-Устроителем") говорит: "Вот этой стороной царского ремесла - уменьем очаровывать, будить в людских сердцах тайные струны - Царь владел в совершенстве".

Это верно. Но неверно тут только одно - это не было "уменье ремесла", выучка. Это очарование исходило прямо из души Царя и выражалось оно во взгляде его совершенно незабываемых глаз. Я сказал - "незабываемых". Это не преувеличение и не экзальтация. От нее я обеспечен самим моим возрастом. Прошло 35 лет, как я видел Государя в последний раз, и, вот, как сейчас, вижу я эти необыкновенные глаза.

С точки зрения знания царского "ремесла" Государю, напротив, одного недоставало - того, что так любит толпа и что необходимо для правителя, будь он и наследственный монарх. Он был прост, не любил этикета, пышности, позы, жеста, что так мастерски удавалось его деду и обоим прадедам - Императорам Александру I и Николаю I. Но оттого то и не любил позы Император Николай П,что была она чужда всей его природе, устремленной в глубины духа.

Он был человек смелый, мужественный и благородной души.

Когда в Японии, тогда еще юноша, он был ранен покусившимся на него фанатиком-националистом японцем, он сохранил полное самообладание и не проявил никаких признаков смятения и робости.

Когда в его присутствии был в театре смертельно ранен пулей террориста Столыпин, в зрительном зале поднялась паника. А когда затем оркестр заиграл гимн, Государь подошел к барьеру ложи. Возможность нового покушения не была исключена. Но Государь,открыто стоя у всех на виду, дослушал гимн, как бы показывая этим, что он,в минуту опасности и смуты,остается на своем посту.

Когда, в мае 1915 года наш фронт в Галиции был прорван, Государь приехал в Ставку, чтобы, по словам его письма к Императрице, оставаться с армией в тяжкие минуты. Великий Князь Николай Николаевич был потрясен событиями на фронте и плакал в кабинете Государя. С спокойной твердостью Государь его успокоил и оказал ему нравственную поддержку.

Осенью 1910 года умер Толстой. Заблудший в своих религиозных исканиях, он отказался от церкви и церковью был отлучен. По своему политическому мировоззрению он был враждебен идее Царя, и, в этой враждебности, при огромной своей популярности, он много зла причинил русской монархии. Но он был русская слава, он был "великий писатель земли русской". К нему не было применено никаких мер утеснения. А когда он умер, то на докладе о его смерти Государь написал следующие полные благородства слова: "Душевно со-

жалею о кончине великого писателя, воплотившего, во время расцвета своего дарования, в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милостивым Судией".

Таков сияющий в своем душевном христианском и царственном величии, духовной одаренности и в государственном строительстве облик Императора Николая Второго, двинувшего Россию на путь небывалого преуспеяния, а в долгие дни преследования, унижений и мучительства явившего недосягаемый образец величия подвига духа.

За что же его предали и убили? В чём и чем был он виноват? И был ли он вообще виноват?

Ответы на эти вопросы лежат вне моей темы и пусть каждый спросит свою совесть и сам на них и ответит.

Но повторим слова русского публициста, напечатанные в петербургском "Новом Времени" еще в 1906 году:

"Трон выше всего, и много видно с него, чего не видно с кресел и стульев, трибун и кафедр. Государь знает гораздо больше каждого из нас. Возблагодарим его. И если и не сумеет теперешнее поколение, в торопливости мятущихся дней, оценить величие и индивидуальность подвига Государя, то тем выше, во исправление настоящего, поднимет его имя историк".

Историк это сделает. Но, конечно, не сделают те пишущие, "скорбные головой и убогие душой", о которых я упомянул в начале этой статьи.

Мы не можем еще петь молебном Святому Благоверному Великому Государю и Царю Николаю. Но мы не погрешим, если, служа панихиды об упокоении его души, мы из глубины нашей совести будем, как святого, просить его о предстательстве перед Господом Богом, чтобы послал Господь России и нам (за рубежом еще) огонь раскаяния в преступлении против Помазанника Божия Царя нашего и печальника за Землю Российскую и чтобы, очистив нас в этом покаянном огне, даровал бы ГОСПОДЬ РОССИИ ЦАРЯ ПРАВОСЛАВНОГО.

Ибо ЦАРЬ не есть "ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ", а есть путь спасения России теперь и источник ее благоденствия в будущем.

И в нём же, в русском ЦАРЕ ПРАВОСЛАВНОМ и в ИМПЕРАТОРЕ ВСЕРОССИЙСКОМ, - спасение человечества от ужасов текущей современности.

Париж. Н. Т и х м е н е в.

1950.

-===o===-